Не Сказки Горыныча

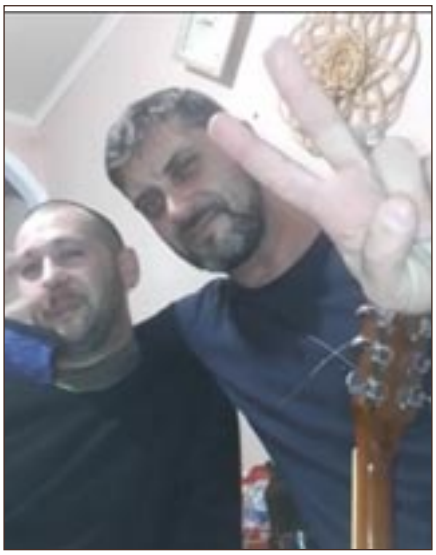
Часть 38

Бойцы с довольным видом понемногу расходились из кухни по комнатам. Буквально пару часов назад выйдя из боя, уставшие, голодные, грязные и измученные, они скептически отнеслись к моему предложению попеть им песен, мечтая лишь побыстрее упасть на спальники, разложенные на полу этой квартиры на окраине Донецка, закутаться в них и забыться в долгожданном сне. Но сочинские разносолы и сладости на столе вызвали в них живой интерес, заставив повременить с отбоем и хлебнуть горячего чая или чего покрепче. Ну а потом пошли в ход и песни, которые таки сделали свое дело, размягчив огрубевшие солдатские души и озарив их лица улыбками, а уставшие глаза светом.

Так и просидели мы до полуночи, травя анекдоты, рассказывая фронтовые истории, вспоминая погибших и разбавляя все песнями и экзотическими южными закусками. Но усталость брала свое, и парни начали понемногу расходиться — радостные, довольные! Теперь у них разговоров на пару недель будет: как Туран подпевал “Группа крови”, пытаясь подражать тембру Виктора Цоя, как Железяка поперхнулся ядреной аджикой, а Правый рассказывал, как у него вепешники как-то посреди бела дня угнали КамАЗ, который он припарковал под окнами ПВД.

За столом оставались те, кому жизненно важно было разменять смертельную усталость на честные разговоры и песни до сорванного голоса. Им гораздо важнее крепкого сна было высказать все, что накопилось за эти полтора года войны. И чем выше был градус в стаканах, тем выше становился градус крепких слов и тем. Здесь была и шукшинская тоска по далекой малой родине, и достоевские мытарства души в поисках смысла жизни, и чеховская ирония над случившимися испытаниями судьбы. И больше всех там, под грохот артиллерии на окраине Донецка, рвалось неугомонное сердце Ильи — Мороза!

Он безапелляционно ломал мое телевизионное мировоззрение, щедро приправляя все вопросами, на которые тогда не знали ответа ни я, ни бойцы. Обида за



провальные наступления первых месяцев, злость за лобовые штурмы хорошо укрепленных вражеских опорников, чувство ненависти к продажности генералов и ошибкам политиков — все в совокупности приведшее к той тяжелейшей ситуации, которую своими страданиями и кровью, а зачастую и жизнью разгребали обычные бойцы. Я с ужасом слушал кажущиеся тогда крамольными слова Мороза, не подозревая, что он в итоге окажется прав и всего через несколько месяцев начнутся чистки в Министерстве обороны и продажных генералов и взяточников поменьше рангом массово будут снимать с должностей и заводить на них уголовные дела. Но это все будет потом, а тогда этот крик о справедливости уставшего, измотанного боями бойца корежил и с хрустом ломал мое наивное отношение к этой войне, которая за окнами ревела заревом недалекого штурма Авдеевки.

И вот там, на рубежной полосе между войной и миром, между жизнью и смертью, мы все вместе заново учились жить в новом мире, который рушил все наши казалось незыблемые устои. И не находя в этом новом мире логичности и возможности подвергнуть его анализу разумом, мы постигали его обнаженными и беззащитными чувствами, доказывая верность старой мудрости “Мир — это комедия для тех, кто мыслит, и трагедия для тех, кто чувствует”.

Но жизнь брала свое и требовала посреди войны и несправедливости такой долгожданной причины для радости. Тогда Мороз и попросил спеть для него песню группы “Би-2”. Замахав на него руками, я стал с жаром возмущенно рассказывать, что эта группа очень плохо высказывается о России и вообще в нынешних реалиях проявила себя не как патриоты. Устало выслушав меня, Илья просто ответил: “Горыныч, мне плевать, что они говорят и кем они оказались. Я слушал их песни в молодости. И я очень хочу сейчас хотя бы на несколько минут забыть, что мы недавно вышли из боя… что недавно потеряли товарищей… вообще забыть на пару минут про войну и вернуться в мирную молодость…”

И я внезапно осознал всю простоту и глубину его слов и сакральность просьбы солдатской души.

Уставшие, хмельные, мы ревели песню, забыв про все на свете. И все растворялось в звоне струн и в нашем нестройном хоре. Все, кроме набоковской невозвратности прошлого, ненасытности настоящего и непредсказуемости будущего!

Спустя почти год, 17 октября 2024 года, Мороз, будучи тогда уже командиром стрелкового взвода, выдвинулся на штурм вражеских позиций в районе Курахова с четырьмя бойцами. Противник запустил их в мышеловку и открыл огонь с трех сторон. Трое бойцов сразу получили ранения. Мороз как истинный командир приказал оставшемуся в строю оттягивать раненых, а сам же принял роковое решение и остался прикрывать их отход. Спустя несколько недель, когда наши войска все-таки взяли этот укреп, тело Ильи было обнаружено…

Мы совсем недолго были знакомы с Морозом, но та кухня на окраине Донецка оказалась переломной в моем мировоззрении. А сам он очень на многое открыл мне глаза и многому научил. В том числе и тому, как тяжело терять друзей.

И в память о Морозове Илье Владимировиче я написал этот рассказ. Пройдут годы, сменятся эпохи. Притупится боль и затрутся воспоминания. Но Мороз останется в этих строках и там, на кухне на окраине Донецка, в декабре 2023 года… Живой и с горящим сердцем!